

TOPICAL
DIALOGUES

АКТУАЛЬНЫЕ ДИАЛОГИ

№ 8

2019

Данный номер электронного бюллетеня “Актуальные диалоги - 2019” выпущен при поддержке Черноморского фонда регионального сотрудничества (проект Фонда Германа Маршалла).

Мнения, высказанные в бюллетене, принадлежат их авторам и могут не совпадать с мнениями и позициями Черноморского фонда регионального сотрудничества или его партнеров.

B | S | T The Black Sea Trust
for Regional Cooperation
A PROJECT OF THE GERMAN MARSHALL FUND

Содержание

Одна тема- два автора

СЮЗАННА БАРСЕГЯН (Армения) Восприятие “образа врага“ в Армении -----	5
АРИФ ЮНУСОВ (Азербайджан) Стереотипы и “образа врага“ в Азербайджане-----	14
Комментарий А. Юнусова к статье С.Барсегян-----	26
Комментарий С. Барсегян к статье А. Юнусова-----	29

Одна тема – два автора

В этом номере бюллетеня статьи армянского и азербайджанского авторов о генезисе и функциональности образа врага в своих обществах.

А в рубрике “Комментарии к статьям” представлены перекрестные комментарии авторов к статье коллеги по теме. Судя по содержанию этих комментариев, заочная дискуссия могла быть еще продолжена. Но как статьи, так и эти первые комментарии, описывают как само отношение в каждой из стран к противной стороне, так и восприятие этого отношения на данный момент –2019 г.

Материалы подготовлены в рамках проекта Исследовательского центра “Регион” “Публичные диалоги” для коммуникаций между армянскими и азербайджанскими специалистами”.

Этот проект поддержан Черноморским фондом регионального сотрудничества Фонда Германа Маршалла.

Партнером по проекту является Институт мира и демократии (Нидерланды). Сайт www.publicdialogues.info был учрежден в 2012 г. Исследовательским центром “Регион” и Институтом мира и демократии, который тогда действовал в Азербайджане.

**СЮЗАННА БАРСЕГЯН,
Армянский институт международных
отношений и безопасности**

Восприятие “образа врага” в Армении

Использование “образа врага” в качестве мягкой силы является сформировавшейся с древнейших времен политической практикой, значение которой особенно возрастает во время кризисов во внутриполитических, межгосударственных и межнациональных конфликтных ситуациях, и основывается на стереотипах массового этнического сознания, как механизм отмежевания от чуждого и защиты от него.

В настоящее время мотивы, механизмы и методы формирования “образа врага” в индивидуальном и массовом сознании довольно разнообразны. Причем, этот образ может быть и надуманным, и реальным. С одной стороны, возможно искусственно создать и распространить “образ врага” как инструмент пропаганды войны: “Сначала мы создаем врага. Образ предваряет оружие. Мы убиваем других мысленно, а затем приобретаем палицу или баллистические ракеты, чтобы убить их физически. Пропаганда опережает технологию” (1). С другой стороны, наличие “образа врага” для общества имеет фундаментальное значение, его невозможно устранить по каким-либо гуманистическим соображениям: “Образ врага– это некоторый объективный идеологический продукт, своего рода пропагандистский “ВВП” определенной страны и эпохи” (2).

В сущности, “образ врага” -универсальный политический инструмент, позволяющий как созидать (усилить патриотизм, мобилизовать общество, сформировать и укрепить идентичность и др.), так и уничтожать (порождать социальные или межнациональные конфликты, дегуманизировать социальные группы, нации, идеи, ценности и т.д.).

В Армении, которая находится фактически в состоянии войны, является стороной неурегулированного конфликта, которая имеет враждебное окружение и враждебное воображение исторической памяти, проблемы безопасности, а также приоритет сохранения идентичности, есть свои особенности восприятия врага.

Враждебные соседи Армении и перспективы примирения

Сегодня во враждебном восприятии общества Армении Азербайджан считается самой враждебной страной, следовательно, структурирование образа врага происходит в основном вокруг этой страны и этого народа. Согласно армянскому общественному мнению, Азербайджан самой враждебной страной для Армении считает подавляющее большинство населения (до 75% опрошенных) (3). Турция считается самой враждебной для одной пятой всех опрошенных. По сути, эти две страны – основные враги (другие страны вызывают незначительную враждебность). Примечательно, что отождествление Азербайджана с Турцией на протяжении лет изменилось: с течением времени Турция рассматривается все более отдельно от Азербайджана, а также ее враждебное восприятие снижается, а Азербайджана – возрастает. Однако, в отличие от Армении, в Арцахе восприятие враждебного соседства более обострено, а также почти нет разницы в восприятиях Азербайджана и Турции: около 90% опрошенных считает обе страны враждебными в равной степени (4).

Враждебное восприятие проявляется и на индивидуальном уровне. Согласно данным исследования КЦИР- Армении (5), абсолютное большинство жителей Армении не одобряет, если женщины из их нации выйдут замуж за азербайджанца или турка. Определенная терпимость проявляется в вопросе экономических связей. Так, бизнес своих соотечественников с азербайджанцами и турками одобряет соответственно 15% и 25% опрошенных.

Историческая память Геноцида армян, закрытые со стороны Турции границы, с одной стороны, война с Азербайджаном и неурегулированный Нагорно-Карабахский конфликт, с другой стороны, перспективы примирения с этими странами делают нереалистичными. Общественность Армении не считает возможным разрешение Нагорно-Карабахского конфликта мирным путем в ближайшем будущем, несмотря на то, что в своем подавляющем большинстве выступает за мирное разрешение конфликта путем переговоров (6). В сравнении с невозможностью примирения с Азербайджаном, в вопросе с Турцией очевидна намного большая терпимость” к примирению со стороны жителей Армении. Население Армении осознает цену выгод и потерь экономического развития в результате открытия границы, а также влияние этого на безопасность, тем не менее, большинство одобряет урегулирование отношений, однако, без предусловий, придавая важность проблемам признания Геноцида армян и урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта (которые Турция использует в качестве предусловий) (7).

Укоренившееся в общественном сознании представление, что Азербайджан и Турция в отношении Армении и Арцаха осуществляют враждебную политику (зачастую это воспринимается как сотрудничество этих двух стран), вызывает всеобщее враждебное восприятие этих стран, в основном не разделяя официальную политику от позиции народов.

Образ врага: стереотипы и восприятия

“Образа врага” в общественном сознании, оценочная характеристика врага, его восприятие и представление о нем может существенно отличаться от “врага”, поскольку образ отражает не только объективную реальность, но и оценочные и эмоциональные компоненты. Кроме того, на формирование “образа врага” большое влияние оказывают стереотипы и установки, мифы и предрассудки, характерные для массового сознания.

Образ врага в лице Азербайджана и Турции является меньше надуманным или мифологизированным и преимущественно связан с реальной угрозой, направленной против Армении, армянского народа или его памятью. Смертельная угроза, идущая от врага и закрепляющаяся в повседневности, становится важнейшим показателем смысловой или риторической структуры этого образа. Следовательно, в циркулирующем образе врага наличествует как инструментальная агрессия – нападение, так и враждебная цель – уничтожение.

Враждебное восприятие укрепляется, образ врага разными способами дегуманизируется, приписывая разные негативные черты, ассоциируя со смертью, ненавистью, заговором, агрессией, насилием и другими враждебными действиями. Азербайджанца или турка (часто используется одинаковый этноним – турок) мы лишаем человеческих признаков, и посредством обобщенного образа превращаем в *абсолютное зло*. Таким образом, враждебными считаются страна, лидер, народ, идеи, политическая система, культура, цивилизационная принадлежность, история, религия и т.д. Индивидуальные истории противника, по-человечески сопереживание с ним теряются в этой всеобъемлющей дегуманизации: “Ценность каждой отдельной жизни теряется, поскольку внимание людей сосредоточено на центральной теме победы или поражения в конфликте” (8).

На общественном и государственном уровнях образ врага еще больше укрепляется с осознанием того, что в Турции и особенно в Азербайджане имеет место глубокая и всеобъемлющая пропаганда арменофобии – от школьных учебников и историографии до средств массовой информации и официальной пропаганды. Помимо восприятий по поводу сегодняшнего образа врага армяне имеют также его историческую память. Будучи подвергнутыми самому крайнему проявлению враждебности – геноциду, армянский народ несет в себе эту память, следовательно, по соображениям самозащиты пытается сохранить бдительность перед лицом смертельной опасности.

Геноцид и Нагорно-Карабахский конфликт стали частью армянской идентичности. Люди стремятся почувствовать себя частью этого ценного, важного ресурса. “Конфликт также был мифологизирован таким образом, что он рассматривается как крайне важный и даже ценный. Это может быть связано с эмоциональным багажом реализации цены, которая была заплачена за конфликт, и которая выплачивается по

сей день. Это включает в себя официальную риторику, которая изображает конфликт практически неразрешимым” (9).

Однако, несмотря на отождествление враждебного Азербайджана с Турцией, армянский народ психологически воспринимает их по-разному. Если наше восприятие Турции – с позиции жертвы, то Азербайджана – с позиции победителя. Если в вопросе Азербайджана мы считаем, что установили справедливость (согласно крайне националистически настроенным кругам – неполную), то в вопросе Турции пока еще актуальным остается требование восстановления справедливости. Эта разница в восприятиях, однако, не мешает сохранять стереотип “турок остается турком” (приписывая его также и нации), тем самым устанавливая глубокое недоверие и ожидание того, что в любой удобный момент они снова осуществят геноцид. Обществу чрезвычайно трудно преодолеть стереотип турка как палача.

Армянская особенность построения “образа врага” еще и не только в том, чтобы закрепить негативные стороны врага, но и посредством позитивного “образа героя” создать антагонизм с “образом врага”. Сопоставляя образ врага с образом героя в той же самой мифологеме, акцентируются сила героя и качества, противоположные врагу. Например, в Армении человека, которому на общественном уровне приписываются бесчеловечные или жестокие поступки, не героизируют (возможно, человек совершил подобный поступок, однако, это не удостоивается или обсуждается на предмет общественного или государственного поощрения). Насилие со стороны армян представляется в качестве справедливого возмездия. Варварство на уровне восприятия не оправдывается. Образ героя-армянина отражается как гуманизм (например, забота о мирном населении), восстановление справедливости, доблесть, преданность родине.

Значение “образа врага” в контексте войны

Пропаганда любой страны, готовящейся к войне, создает “образа врага”, который оказывает непосредственное влияние на враждебное воображение людей. Для противодействия и победы в войне необходимо уничтожать живую силу противника. По этой причине становится необходимым давать противнику бесчеловечную характеристику, которая устраним психологический барьер и оправдает насилие. Кроме того, определения “образа врага” показывают, кто/что является угрозой для народа, каковы параметры этой угрозы и что необходимо предпринять для защиты от врага.

Созданные на основе исторических событий “образа врага” передаются из поколения в поколение, меняются с течением времени, исчезают либо нейтрализуются. Однако, в удобных случаях спящий образ вновь появляется и активизируется в общественном сознании. Так, образ турка как врага, который стал пассивным в советской Армении, активизировался в годы Карабахского движения и

последующей войны. Память о Геноциде стала локомотивом Карабахского движения (10).

Сумгаитское преступление 27-29 февраля 1988г народом было воспринято, расценено как проявление геноцида и, тем самым, на первый план выдвинуло память о Геноциде армян 1915-1923гг (11). Таким образом, тяжелый груз памяти о Геноциде и “образа врага” сыграли позитивную мобилизующую роль для Карабахского движения и победы в войне.

Не случайно, что впоследствии Азербайджан в целях национального единения и формирования азербайджанской национальной идентичности начал использовать Нагорно-Карабахский конфликт как инструмент, а “освобождение” Карабаха – как “священную” цель, вокруг которой должно произойти это единение. На основе этих восприятий азербайджанская элита самыми разнообразными способами пытается воссоздать армянскую модель исторической памяти (Карабах как “землю обетованную”, “потерянную страну”, как Западная Армения для армян, миф о “геноциде азербайджанцев” со стороны армян, армяне/карабахцы – как мифические враги для объединения нации) (12).

Во время Карабахской войны для идентификации и характеристики врага (Азербайджана) использовались именно укоренившиеся в отношении турок стереотипы. Впоследствии, опыт войны и годы состояния войны сформировали образ нового врага – азербайджанца, сделав его более актуальным.

Враг – как важный элемент пропаганды

Концепция “образа врага” напрямую связана с пропагандой. Однако, разные политические режимы по-разному используют эту связь: “Феномен “образа врага” наиболее ярко проявляется и управляет сознанием общества в государствах с авторитарно-тоталитарным политическим режимом” (13). В этом смысле мы видим четкую разницу между Арменией и Азербайджаном/Турцией, а также определенные изменения в Армении после Бархатной революции 2018г.

Механизм негативной мобилизации социума – использование “образа врага” для преодоления внутренних проблем – постоянно применялся во внутривластной жизни Армении. Власти, используя состояние войны, в политическом дискурсе укоренили противопоставление интересов безопасности и фундаментальные принципы демократии. Эти дискурсы сформировали определенные нарративы, которые были направлены на оправдание авторитарного правления или регресса демократии (авторитарные подходы представляются как залог силы и обеспечения безопасности), оправдание социально-экономических трудностей (за счет постоянной угрозы войны и оборонных расходов), роль гаранта разрешения Нагорно-Карабахского конфликта (проармянское решение напрямую связывается с определенными лицами внутри власти).

Табу “не радовать турка” внутренними недостатками, недочетами, проблемами, тем не менее, в определенной мере было сломано после апрельской революции 2018г. Массовое участие граждан в революции сломало годами циркулирующий миф о том, что армянское общество благодаря исторической памяти, консервативности и здравому смыслу/мудрости не пойдет на внутривластные потрясения, осознавая опасность их использования враждебной средой и опасность войны. Несмотря на то, что все время акций гражданского неповиновения и митингов этот тезис озвучивался и распространялась информация о приграничных перемещениях и угрозах, тем не менее, это не только не сдерживало участников, но и порождало контраргументы о том, что такая гражданская активность, дух и сила народа, наоборот, могут аналогичным образом быть поставлены на службу обороны страны.

Можем сказать, что в Армении, несмотря на наличие националистического дискурса, нет дискурса ненависти к врагу и крайней агрессивности. В общественном мнении многообразные источники информации, обуславливающие восприятие врага, формирующие его имидж, не идут ни в какое сравнение с пропагандой Турции и особенно Азербайджана, где детская литература, школьные учебники, медиа, политическая риторика и другие средства насыщены словом вражды или пропагандой ненависти. В отличие от представляющейся гомогенной азербайджанской пропаганды, в Армении наличествует плюрализм мнений, а также разница в источниках, формирующих мнение, и в их содержании. В армянском и азербайджанском обществах асимметричность представления и пропаганды “образа врага” проявляется в политической риторике, в СМИ, соцсетях, образовательных программах, искусстве и др. Так, например, в Армении в детской литературе или учебниках нет пропаганды ксенофобии, оскорбительных эпитетов в адрес азербайджанца или турка (14). В СМИ также, несмотря на наличие националистического дискурса, в систематической форме отсутствуют экстремальные проявления и лексикон. К примеру, можно заметить, что больше используется слово *противник*, нежели *враг*. Что касается политической риторики, то в Армении риторика войны у всех политических лидеров и сил не была экстремистской.

Более того, в постреволюционной Армении появились новые акценты в дискурсе мира, новое правительство больше стало говорить о готовности к миру и важности мира (конечно, при этом отмечая, что это не тождественно слабости или неготовности к войне), на уровне руководителя страны – премьер-министра страны было объявлено о наличии миролюбивой части в азербайджанском народе и о сотрудничестве с ним.

Особенности механизмов формирования “образа врага” в Армении

Таким образом, подводя итоги, можем сгруппировать следующие основания структурирования “образа врага”:

Традиционные основы

Первичным в армянских особенностях формирования “образа врага” является то, что внешний враг не рассматривается в качестве средства формирования собственной идентичности, поскольку исторически армянский народ не имеет проблемы формирования идентичности, а Армения – почти моноэтничная страна (15) (в Азербайджане, к примеру, наоборот, “образу врага” придается особая важность для утверждения идентичности и объединения этнических меньшинств). Внешний враг больше способствует укреплению внутриобщественных отношений для мобилизации и борьбы с угрозой, исходящей от врага. В традиционных основаниях формирования “образа врага” выделяются следующие элементы:

- **Исторический**

Историческая память армян и потери в прошлом являются важными факторами сохранения конфликта. Эта память сохраняется свежей даже в не Армении – в Диаспоре. Однако, как сторона, победившая в войне и утвердившая историческую справедливость (с точки зрения армян), армянское общество не имеет такой крайней агрессивности, как проигравшая сторона.

- **Стереотипный**

Армяно-азербайджанская война оставила “неразорвавшиеся бомбы” в виде стереотипов общественного сознания, которые мешают разрешению/урегулированию конфликта мирным путем и обсуждению перспектив сотрудничества. Историческая память о Геноциде также сформировала стереотипы враждебного воображения, которые во многом препятствуют урегулированию армяно-турецких отношений. Наше восприятие “образа врага” основывается на разных “архетипах” врага – “агрессор”, “варвар”, “преступник”, “наильник”, “мучитель”, “палач” и т.д.

- **Социально-психологический**

В этнических автостереотипах армяне характеризуют себя как добрых, неагрессивных, нежестоких, созидających, оседлых, и наоборот: в гетеростереотипах турка/азербайджанца приписывают свойства жестоких, агрессивных, уничтожающих, захватчиков. Такое противопоставление дает возможность в случае кризисов применить один из самых простых и действенных средств вытеснения социальной напряженности, агрессивной энергии – направить ее в сторону врага.

Целе-рациональные и ценностно-рациональные основания

Помимо вышеуказанных традиционных оснований, причиной нашего враждебного отношения к Азербайджану и Турции и конфликтной ситуации являются интересы и устремления двух стран. Целе-рациональной основой “образа врага” являются претензии и отказ от компромиссов со стороны Азербайджана по территории, со стороны Турции – по вопросу признания Геноцида и компенсации.

Сформировавшаяся на этой основе враждебность еще больше укрепляется ценностно-рациональными мотивами. Определение врага еще больше укрепляется посредством противопоставления идейных, этнокультурных, религиозных и других ценностей. Например, в образе врага мы противопоставляем наши идейные отличия, отличия в политической системе, нашу культурную, религиозную и цивилизационную принадлежность, отличие в продолжительности истории.

Манипулятивные основания

Манипуляции “образом врага” осуществляются как во внешних, так и во внутренних процессах. Третьи заинтересованные страны также применяют инструмент манипуляции в отношении “образа врага”. Понятие врага уже само по себе порождает негативное восприятие, что не может не только восприниматься положительно, но и сформировать непредвзятое отношение. Армяне приписывают врагу более *низкий статус* – низкий интеллект, низкую степень самоорганизации, низкую культуру, историю без истории, неимение сформировавшейся национальной идентичности. Зачастую врагу приписываются собственные упущения и прегрешения.

Использование “образа врага” также имеет место во внутривнутриполитической жизни Армении. Бывшие власти использовали образ врага для легитимации политического режима, гиперакцентировании вопросов обороны и оправдания военных расходов за счет социальных и т.д. Однако, революция внесла определенные изменения в этот механизм манипуляции, показав мифичность несовместимости идущей от врага угрозы – безопасности/войны, и образа врага демократии. Популярность использования метода конструирования “образа врага” для манипуляции общественным сознанием именно в странах с авторитарным/тоталитарным режимом характеризуется также наличием в этих государствах пропаганды как главного политического инструмента идеологического влияния.

-
1. Keen S. Faces of the Enemy: Reflections on the Hostile Imagination / Enlarged ed. San Francisco, CA: Harper&Row, 2004.
  2. Савельев А.Н. Образ врага. Расология и политическая антропология. Серия "Библиотека расовой мысли". – М.: Белые альвы, 2007. – 608 с.
  3. Caucasus Barometer, Public Perceptions on Political, Social, and Economic Issues in the South Caucasus Countries, CRRC - Armenia, 2017 (https://www.crrc.am/wp-content/themes/crrc/barometer_files/presentations-2017.pdf).

4. Opinion Polls in Nagorno-Karabakh: Comparative Results from 2015 and 2016, IPSC – Institute for Political and Sociological Consulting, Armenia, 2016 (http://eufoa.org/wp-content/uploads/2016/12/Comparative-opinion-polls_2015-2016_17.11.2016_Website_Eng-2.pdf).
5. Caucasus Barometer, Public Perceptions on Political, Social, and Economic Issues in the South Caucasus Countries, CRRC-Armenia, 2017.
6. Caucasus Barometer, Public Perceptions on Political, Social, and Economic Issues in the South Caucasus Countries, Yerevan, 2013.
7. Towards a Shared Vision of Normalization of Armenian-Turkish Relations, Key Findings Based on the Public Opinion Survey, CRRC-Armenia, 2015.
8. Envisioning Peace: An Analysis of Grassroots Views on the Nagorny Karabakh Conflict, International Alert, 2018
9. Там же.
10. Марутян А. Описание армянской идентичности: память о геноциде и Карабахское движение, Ереван, 2009. [на армянском]
11. Марутян А. Карабахское движение (1988-1990) в плакатах: общая характеристика, Научные известия, 1/2017, ст. 41-47 (<https://artsakhib.am/wp-content/uploads/2018/06/Marutyan-Harutyun-Karabaghyan-sharzhumy-cucapastarnerum.pdf>). [на армянском]
12. Золян М. Межэтнический конфликт и процессы национальной консолидации (еще раз о карабахском конфликте), Лрабер гуманитарных наук, № 1, 2004 pp. 59-69. [на армянском]
13. Гасанов. И.Б. Национальные стереотипы и “образ врага”. М.: РАУ, 1994
14. В Азербайджане детская литература и учебники напрямую пропагандируют армянофобию. С содержанием учебников и других учебных материалов можно ознакомиться на вебсайте <http://azerichild.info/books-education-azerbaijan-hatred-from-childhood.html>: В турецких учебниках за последние 10 лет отмечается определенное смягчение по теме. Если в прошлом, к примеру, использовалось выражение «так называемый Геноцид армян», то в новых учебниках можно встретить такие выражения как «события 1915г», «справедливая память», «урегулирование», «послание соболезнования», «мероприятия памяти» (<http://hayernaysor.am/archives/170500>).
15. Армяне составляют более 95% населения РА.

АРИФ ЮНУСОВ,
Институт мира и демократии Азербайджана

Стереотипы и “образ врага” в Азербайджане

Одним из факторов, препятствующих урегулированию карабахского конфликта являются многочисленные стереотипы и мифы в армяно-азербайджанских отношениях. С одной стороны, их возникновение и широкое распространение носит объективный характер, ибо являются закономерным результатом всех современных конфликтов, особенно на этнической или религиозной основе. В то же время в основе появления тех или иных мифов и стереотипов часто лежат субъективные факторы, связанные с историей строительства национального государства.

Азербайджан и азербайджанское общество является одним из характерных примеров такого процесса. С одной стороны, Азербайджан является классическим примером страны-пограничья и своего рода перекрестка между Востоком и Западом, исламом и христианством. При этом азербайджанцы – разделенный народ и не только территориально на южных (иранских) и северных (после русско-иранских войн в начале XIX в.), но также на шиитов и суннитов. Но самое главное, в XX в. Азербайджан дважды начинал строительство национального государства: в 1918-1920 гг. и после 1991 года. В обоих случаях процесс строительства национального государства осуществлялся не после длительной борьбы за независимость, а в результате сложившихся обстоятельств: в первом случае после падения Российской империи, во втором – распада СССР. И каждый раз в ходе строительства национального государства Азербайджан и азербайджанское общество проходили через суровые испытания – войну из-за спорной территории Нагорного Карабаха (сам термин “Нагорный Карабах” зародился в 1919 г. как результат этой конфронтации) с соседней Арменией, которая также создавала свое национальное государство в это время. И каждый раз страна и общество сталкивались с людскими и территориальными потерями.

В то же время каждый раз перед разделенным народом стоял вопрос единства. А ничто так не объединяет народ, как война и потери. Война требует жертв, то есть героев и мучеников. Но эти трагедии и утраты позволяют сплотить нацию и объявить чужаками тех, кто остается за ее пределами. Как в конце XIX в. заметил Эрнест Ренан, “общие страдания соединяют больше, чем общие радости. В деле национальных воспоминаний траур имеет большее значение, чем триумф: траур накладывает обязанности, траур вызывает общие усилия” (1). Все это особенно характерно для XX в. - времени повсеместного создания национальных государств

и борьбы за территорию, которую считают своей, времени массовых этнических чисток и геноцидов на планете. Все эти трагедии и утраты в борьбе за создание национального государства создавали то, что Омер Бартов назвал “порочным кругом определения врагов и создания жертв”, то есть стремления определить свою нацию как жертву, что является знаком не только скорби и позора, но также соответствующего статуса и чести (2). При этом логика борьбы за строительство национального государства и развития на фоне борьбы с соседями и соперничества за привлечение на свою сторону симпатии международного сообщества требовала выставлять напоказ национальные жертвы и печаль от трагедии.

Применительно к Азербайджану и азербайджанскому обществу следует заметить, что за несколько лет до распада Российской империи появились первые национальные политические партии (“Мусават”, “Гуммат”), появился слой интеллигенции, ставивший вопрос об этнической идентичности. Однако значительная часть населения была далека от этих процессов, их мышление осталось на уровне обычной мусульманской “уммы” (общины верующих), с ее слабым уровнем национального самосознания.

В такой ситуации после распада Российской империи и в ходе процесса создания национального государства в марте 1918 г. в Баку произошли кровавые события, когда большевики вместе с дашнаками (с точки зрения азербайджанцев – русские и армяне) устроили резню в городе и убили не менее 12 тыс. азербайджанцев. Если “исходить из числа жертв, мартовские события были одним из наиболее страшных эпизодов в ходе российской революции” (3).

Вошедшие в сентябре 1918 г. в Баку, турецкие и азербайджанские войска устроили ответную резню, убив как минимум до 9 тыс. армян. Затем последовали взаимные погромы сторон в Карабахе в г. Шуша, и именно в этот период и зародились первые мифы и образы врагов. При этом каждая сторона акцентировала внимание на своих жертвах и потерях, в то же время обеляя собственные кровавые действия.

В год первой годовщины мартовских событий (31 марта 1919 г.) лидеры первой суверенной Азербайджанской Республики решили объединить религиозные чувства с этническими и в результате для многих азербайджанцев-шиитов мартовские события стали “новой *Ашурой*” (4) и своего рода “гражданским *Махаррамом*” (5). Причем не столько даже днем религиозного траура, сколько национального единства, когда жертвы (*шахиды*) (6) пали за народ. Тогда же жертвы мартовских событий были перезахоронены в специально открытом в Нагорном парке г. Баку кладбище.

В советский период коммунисты от всего этого постарались избавиться и вычеркнуть все это из памяти азербайджанцев. Мартовские события стали трактоваться как “контрреволюционный мятеж мусаватистов”, кладбище в Нагорном парке было уничтожено и на его месте построен парк и ресторан “Дружба народов”. А в пантеоне героев и жертв оказались теперь 26 бакинских комиссаров и памятник им в центре Баку, как свидетельство интернационализма новой власти. То есть

новые власти поспешили создать свое “место скорби” и поклонения новым героям и жертвам борьбы, куда регулярно приводили школьников и возлагали цветы.

Правда, в полной мере своих целей коммунисты не добились. Азербайджанцы сохраняли память о тех мартовских событиях. В результате, парк, а уж тем более ресторан “Дружба народов” не были для азербайджанцев любимым местом для посещения и прогулок. Многие, особенно из числа молодых, даже не знали о причине запрета, но знали от родителей, что это место “харам” (7).

Однако в советский период произошло то, чего не смогли осуществить лидеры первой Азербайджанской Республики. Москва сохранила территорию республики и даже некоторые национальные символы. Но самое главное, в СССР осуществлялась политика “коренизации”, что на деле означало внимание к местным кадрам в государственном и партийном аппарате. Кроме того, уделялось внимание и развитию науки и культуры. В результате, в Азербайджане накануне распада СССР была значительная научная и творческая интеллигенция. Но главное, после 70 лет советской политика атеизма и борьбы с религией теперь для азербайджанского общества главную роль играл не исламский фактор, а национальный.

В таких условиях вновь повторилась ситуация 70-летней давности: опять на фоне быстрого распада СССР надо было срочно думать о создании независимой республики. И вновь война с Арменией из-за Нагорного Карабаха, опять кровавые и жестокие межэтнические столкновения и чистки и снова возникновение порочного круга определения врагов и создания жертв.

В силу многих объективных и субъективных причин в тот период армянский национализм был намного более активным, чем его азербайджанский аналог. Помимо конфликта с азербайджанцами и понесенных потерь в 1918-1920 гг., армяне в 1915 г. пережили намного более ужасные потери в Османской империи и это стало для них настоящей национальной катастрофой. В то же время, в советское время с 1965 г. армянам позволено было проводить массовые демонстрации и отмечать 24 апреля как День поминовения жертв 1915 года. В Армении с 1967 г. был и соответствующий памятник, то есть свое место скорби и поклонения для всеобщего сплочения. Был и образ внешнего врага в лице турок. И все это тиражировалось в учебниках и книгах по истории, фильмах. То есть, пропагандирующая составляющая вносила свою и весьма существенную роль в дело четкого определения образа врага и сплочения нации вокруг своих жертв. Наконец, армянам позволялась и связь с диаспорой, пусть и в ограниченной форме. Все это способствовало организованности и сплоченности армян в начальной стадии карабахского конфликта. Ведь для армян азербайджанцы были теми же турками, а потому карабахский конфликт был для армян своеобразным продолжением того, что с ними произошло семь десятилетий назад в Османской империи.

Всего этого азербайджанцы не имели и потому в начальной стадии карабахского конфликта они не были сплочены, их действия часто носили спонтанный характер и являлись ответной реакцией на действия армян. Хотя память о мартовских событиях 1918 г. сохранилась у определенной части населения и о них в конце 1980-х гг. стали

даже открыто говорить и писать, однако все же в азербайджанском обществе не было пока своего символа скорби и четко очерченного образа врага. В обществе помнили, что в 1970-е гг. в НКАО периодически возникали конфликты с армянами, которые однако, власти быстро решали. И потому была сильная вера, что и сейчас произошло случайное недоразумение, которое будет решено если не своей республиканской, то центральной советской властью в Москве. Даже появившиеся первые беженцы из Армении и сумгаитский погром не изменили взгляды азербайджанцев – происходившие события рассматривались через призму объявленной Горбачевым “перестройки” и борьбы за демократию в СССР, а не как начало этнического конфликта с армянами.

Кажется парадоксальным, но созданный в 1988 г. Народный Фронт Азербайджана (НФА) первоначально также декларировал идею борьбы за демократию и не выступал за независимость и создание национального государства.

Тогда многие в Азербайджане не понимали, почему в связи с Карабахом армяне и многие в СССР и на Западе поднимают тему геноцида и роли Турции. Еще большее раздражение вызывало то, что проблема Карабаха рассматривалась за пределами Азербайджана через религиозную призму, как якобы историческая борьба “христианской Армении” с “мусульманским Азербайджаном”. Опрос, проведенный в 1990 г. в Азербайджане показал, что лишь около 3% населения считали, что армяно-азербайджанский конфликт из-за Карабаха имеет религиозную основу (8).

Но очень скоро ситуация изменилась. Поток азербайджанских беженцев из Армении, а потом из Карабаха принял лавинообразный характер, что резко радикализовало общественные взгляды. Тема демократизации и “перестройки” ушла в сторону, на первый план вышел карабахский конфликт с армянами, что резко усилило этнический фактор. В большом количестве стали появляться публикации по истории Карабаха и армяно-азербайджанских отношений. Пропаганда и идеология борьбы с армянским этническим сепаратизмом быстро занимали свои места в конфликте.

Вскоре и НФА был вынужден занять иную позицию, более националистическую. А на фоне быстрого развала СССР думать о необходимости создания независимого государства.

Перелом наступил после 20 января 1990 г., вошедшего в историю Азербайджана под названием “Черный январь” (азерб. *Гара январ*). Похороны людей, убитых при вводе советских войск в Баку, словно вернули азербайджанское общество в далекий март 1919 г., когда была первая акция гражданского Махаррама азербайджанцев. Вновь у народа появились жертвы, которых похоронили там же, где в 1919 г. похоронили жертвы мартовских событий. Разумеется, был закрыт открытый в советское время ресторан, а парк превращен не просто в кладбище, а в Аллею мучеников (азерб. *Шахидляр хиябани*).

При этом в обществе особо не задавались и не задаются по сей день вопросом о жертвах армянских погромов в Баку, которые имели место буквально за неделю до

20 января. В соответствии с законами этнических конфликтов, важно поминовение своих жертв.

Так азербайджанцы создали свое “место скорби” и поклонения новым героям и жертвам борьбы, куда теперь ежегодно 20 января приходят сотни тысяч бакинцев и жителей других районов республики. Вначале это было место скорби и поклонения жертвам борьбы с советской властью за создание национального государства. Также был разрушен памятник 26 бакинским комиссарам, как последний символ советской власти. Когда же в 1992-1994 гг. шли широкомасштабные боевые действия в Карабахе, погибших в боях с армянами стали также хоронить на Шахидляр хиябани. После чего это место стало не только символом борьбы за независимость Азербайджана, но также и местом поклонения погибшим мученикам в борьбе за территориальную целостность страны.

Примечательно, что погибшие во Второй мировой войне, в том числе известные Герои Советского Союза не воспринимались как шехиды и были похоронены в созданной еще в советское время Аллее почетного захоронения (азерб. *Фахри хиябан*) наряду с известными деятелями науки и культуры, а также политиками и государственными деятелями Азербайджана.

Но в проблеме карабахского конфликта и создания многочисленных стереотипов и “образа врага” главную роль сыграли трагические события в Ходжалы в феврале 1992 года, когда было зверски убито 613 человек, в том числе 63 ребенка, 106 женщин и 70 стариков. Ведь Черный январь был символом борьбы с советской властью. И хотя в Шахидляр хиябани хоронили также и погибших в карабахской войне, но в общественном сознании это место все же больше ассоциировалось не столько войной с армянами, сколько борьбой с советской властью за создание независимого национального государства. Ходжалинская трагедия произошла уже в постсоветский период и, хотя в бойне мирного азербайджанского населения наряду с армянами принимали участие и части бывшей советской, а теперь российской армии, в общественном сознании азербайджанского общества виновниками были только армяне.

В то же время, хотя карабахская война шла вовсю, а армяне уже заняли четко место главного врага азербайджанцев, все же прошло слишком мало времени с начала конфликта и не в полной мере пропагандистская машина развернулась. Поэтому какое-то время даже после Ходжалинской трагедии в обществе господствовали более либеральные взгляды и отношение к “образу врага”. Характерный пример для того времени: осенью 1992 г. в Аппарате президента проходило совещание экспертов для того, чтобы определить, как в СМИ и в официальной пропаганде называть произошедшие в Ходжалы кровавые события? Предлагались разные термины: “бойня”, “погром”, “резня”, “трагедия”. Вдруг кто-то предложил квалифицировать события в Ходжалы как геноцид. Это предложение было жестко отвергнуто, поскольку тогда в общественном сознании и понимании азербайджанцев в этом слове было что-то унижительное – тебя убивают, а ты не сопротивляешься. Поэтому тогда остановились на термине “трагедия” (азерб. *фаджиа*).

Более того, в общественном мнении, а также в ходе следствия того периода главный акцент делался на поиске виновных в трагедии с азербайджанской стороны. То есть, в обществе не было сомнений, что армяне осуществили бойню в Ходжалы. Но также следовало найти тех с азербайджанской стороны, по чьей пусть и косвенной, но вине армяне устроили эту бойню. Речь шла тогда о вине президента Аяза Муталлибова и ряде полевых командиров, которые не выполнили свои обязанности и не пришли на помощь ходжалинцам.

С приходом в 1993 г. к власти Гейдара Алиева начался новый этап в истории создания стереотипов и образов врага в Азербайджане. Война была проиграна, немалая часть территории оккупирована, сотни тысяч беженцев уже не только из Армении, а с собственной территории стали беженцами внутри страны. В обществе царили подавленность, депрессия и обреченность. Была разрушена прежняя идентичность и отношение к себе и окружающему миру.

Правящая элита поставила перед собою задачу обосновать нахождение у власти и выбор внешнеполитических союзников, а также врагов. Требовалось все это обеспечить соответствующей идеологией, культурой и образовательным дискурсом. Конструируемая новая национальная идеология получила установку на представление азербайджанского народа в качестве жертвы постоянных нападений коварных соседей, в первую очередь армян. Поражения объяснялись не только многочисленностью врагов, но и отсутствием единства. Но указывалось, что азербайджанский народ никогда не сдавался и мужественно боролся против изменения геополитической карты в пользу христианского мира. В этой картине мира именно прошлое дает ответ для настоящего: “нас всегда притесняли, но мы никогда не прекращали борьбу” (9). А потому тяжелый период поражения и потери Карабаха обязательно сменится триумфальной победой.

В рамках новой национальной идеологии в первую очередь нужна была новая политика исторической памяти для объяснения причин поражения в карабахском конфликте и объединения народа вокруг властей и лично Г.Алиева, который единственный мог спасти нацию и сохранить государство, а также вернуть Карабах. Соответственно, выступление против политики властей расценивалось как желание поражения своему народу или призыв смириться и отказаться от былого величия. Не случайно, самым популярным девизом, который в Азербайджане стали повторять везде и на всех торжественных мероприятиях, стал: “Родина неделима, шахиды бессмертны!” (азерб. *Ватан болунмяз, шахидляр олмяз!*). По сути, речь шла о реформировании нации.

В результате, по указанию Гейдара Алиева со второй половины 1990-х годов в Азербайджане стали проводить соответствующие программы по “патриотическому воспитанию граждан в духе любви к родине и необходимости борьбы с врагами”, как указывалось в них. И в первую очередь стали переписывать книги по истории, а также издавать новые школьные учебники по истории, которые были призваны “воспитывать патриотов, умеющих отделять “своих” от “других” и готовых, если это понадобится, принять участие в очередном конфликте” (10).

Политика формирования “образа врага” в лице армян приняла целенаправленный и масштабный характер. Этот образ “исторического врага” азербайджанского народа стал главным символом в школьных учебниках истории, причем начиная уже с 5 класса! (11). То есть, подрастающее поколение должно с детства четко знать, кто является главным врагом народа! При этом, в школьных учебниках в отношении армян используются все возможные негативные эпитеты (“бандиты”, “агрессоры”, “убийцы”, “коварные”, “лицемерные” и т.д.). А если к этим школьным учебникам и книгам по истории добавить сотни публикаций в прессе и телепередач о роли армян в истории Азербайджана, то станет ясно, что промывка мозгов носит всеобъемлющий характер.

Парадоксально, но новые власти Азербайджана во многом взяли в качестве примера ... армянскую пропаганду! Точнее, антитурецкую пропаганду и связанные с ней многочисленные мифы, страхи и стереотипы армян о турках. В результате этой многолетней пропаганды армянские обыватели, читая книги по истории армянского народа или публикации о турках и Турции, часто искренне полагают, что турки столетиями только и делали, что убивали армян или мечтали убить их.

Фактически Гейдар Алиев начал процесс “арменизации” азербайджанского общества и вскоре развернулся азербайджанский “плач по потерянным землям”, в моду вошли слова “геноцид”, “многострадальный азербайджанский народ” и др.

Прежние разногласия относительно того, как в СМИ именовать произошедшую трагедию в Ходжалы остались в прошлом. По инициативе Гейдара Алиева в феврале 1994 г. в парламенте было проведено специальное заседание с участием общественности, посвященное обсуждению Ходжалинской трагедии. По окончании, 1 марта 1994 г. Гейдар Алиев издал указ об объявлении 26 февраля “Днем Ходжалинского геноцида и национального траура”. Еще через три года, 25 февраля 1997 г. Гейдар Алиев подписал Указ об объявлении 26 февраля каждого года в 17.00 на всей территории Азербайджана “минуты молчания в память о жертвах Ходжалинского геноцида”.

Так был сформирован наряду с 20 Черным январем еще один общенациональный день траура и скорби по своим жертвам. Но законы этнического конфликта и пропагандистской борьбы требовали проложить мост также и в прошлое, чтобы показать, что армяне – вековые враги, которые только и делали, что убивали азербайджанцев во имя создания своей “Великой Армении”. И лучше всего для этого подходили мартовские события 1918 года. В результате, 26 марта 1998 г. вышел Указ Гейдара Алиева, согласно которому отныне в Азербайджане и в азербайджанской диаспоре 31 марта стали отмечать как “День геноцида азербайджанцев” (азерб. *Азарбаджанлыларың сойгырымы гюню*).

Так была завершена программа по созданию национальных дней траура и скорби, которые должны были объединить нацию против исторического врага в лице армян. При этом, получилась очень действенная цепочка дней поминовения трагических событий в истории азербайджанского народа: 20 января – “День Всенародной скорби” по жертвам советской власти (“Черный январь”), через месяц 26 февраля –

“День Ходжалинского геноцида и национального траура”, еще через месяц 31 марта – “День геноцида азербайджанцев”. То есть, три месяца подряд азербайджанцы должны отмечать свои скорбные дни траура. И все это широко освещать и пропагандировать, в том числе и за рубежом. И лишь затем, в апреле наступает очередь армян отмечать свой день скорби и траура по жертвам 1915 года.

При Ильхаме Алиеве эта политика была продолжена. Мемориальный комплекс в память жертв Черного января все же не играл большой роли в деле пропаганды борьбы с историческим врагом армянами. Нужен был отдельный памятник жертвам армянских зверств, который должен был играть особую роль для азербайджанского общества. И 26 февраля 2008 г. состоялось официальное открытие памятника жертвам Ходжалы под названием “Крик матери” (азерб. *Ана харайи*), и именно к нему ежегодно в годовщину трагедии совершают торжественное шествие президент, представители дипломатического корпуса и сотни тысяч азербайджанцев.

Теперь, в Азербайджане было все – свои дни поминовения дней траура и скорби и памятники жертвам, куда торжественно совершали шествия сотни тысяч людей. Тем самым была полностью завершена политика формирования образа “исторического врага нации” в лице армян.

Процесс “арменизации” азербайджанцев очень быстро стал давать свои плоды. В пропагандистской кампании армяне и азербайджанцы стали вести себя словно сиамские близнецы – каждый всячески оправдывал свои действия и акцентировал внимание на собственных жертвах, а все зло видел в действиях противной стороны. Армяне обращали внимание на погромы в Сумгаите и Баку и напрочь отрицали погромы азербайджанцев в Армении и свою вину в Ходжалы, считали это делом рук азербайджанцев. В свою очередь, азербайджанцы акцентировали все внимание на Ходжалы и отрицали свою вину в вышеуказанных погромах, обвиняя в этих погромах самих армян. Более того, очень скоро развернулось пропагандистское соревнование – каждая сторона регулярно радостно сообщала, как о своей крупной “исторической” победе, что парламент той или иной страны или штат какой-то страны принял соответствующую резолюцию по «своему» геноциду. Если в начале карабахского конфликта в азербайджанском обществе не понимали, почему с ними связывают события 1915 года, то теперь азербайджанцы стали более болезненно реагировать на акции армян или кого-то относительно турок и Турции в 1915 г., чем сами турки.

Для поднятия патриотизма, а на деле милитаристских чувств, обе стороны стали активно использовать новые технологии и начали разрабатывать для молодежи компьютерные военные игры. Азербайджанские программисты создали серию игр для молодежи под названием “Под оккупацией”. В ответ их армянские коллеги создали “Hi Zinvor” - первую онлайн-игру для мобильного телефона. В результате, ежедневно тысячи молодых азербайджанцев и армян с помощью этих и других программ уже и виртуально воюют друг с другом (12).

При этом каждая сторона не видит себя со стороны и отрицает наличие фобий, уверяет, что она более толерантна. Между тем разница лишь в том, что

азербайджанцы - проигравшая сторона, их не устраивают итоги войны и нынешний статус-кво, а потому у них больше фобий и милитаризма.

При Ильхаме Алиеве армянофобия была поднята на еще большую высоту и во многом стала носить уже обыденный характер. Порой это похоже на расистский театр абсурда. С одной стороны, власти, а вслед за ними и многие обыватели любят говорить о 30 тысячах армян, якобы спокойно проживающих в Баку (13), у которых, мол, все отлично и нет никаких проблем. Что не мешает даже правительственным СМИ одновременно признавать, что в Азербайджане многие армяне стараются скрыть свою национальную принадлежность, вынуждены сменить имена и фамилии, представляют себя русскими или евреями (14). Журналисты из провластных СМИ при этом не задумываются над закономерным вопросом: а почему живущие без проблем в Азербайджане армяне вынуждены менять свои имена и фамилии и представляться русскими и евреями?

Многолетняя армянофобия привела к тому, что в Азербайджане национальность “армянин” практически стала синонимом “врага” и вызывает только негативные эмоции у добропорядочных азербайджанских обывателей. Правительственные СМИ в последние годы развернули прямо-таки настоящую кампанию “охоты на ведьм”, используя этноним “армянин” в качестве обвинительного ярлыка. Его навешивают политическим оппонентам, а также всем, кто внутри страны и за рубежом не соглашается с политикой властей Азербайджана. Любая, даже осторожная критика политики правящего режима в сфере прав человека вызывает истерику у официального Баку. На критиков тут же навешивают ярлык “армяне” или “продавшиеся армянскому лобби”.

Но если за пределами республики такая неадекватная реакция властей воспринимается с иронией и как свидетельство паранойи, то в самой республике отношение к этому иное. Иметь армянские корни или даже родственные связи с этим народом становится в Азербайджане с каждым годом все опаснее. Это может стать причиной увольнения с работы или преследований. Азербайджанские правительственные СМИ давно пестрят призывами к увольнению с работы не только армян, но и тех, кто состоит в родстве с армянами (имеют мать, бабушку или супругу-армянку), ибо “армяне хуже зверей” (15). Заявление об армянском происхождении кого-то вообще может быть воспринято как оскорбление и стать причиной судебного разбирательства (16).

Люди просто не видят себя со стороны и искренне не понимают, что их слова в любой другой цивилизованной стране будут восприняты как расизм, а их самих ждет судебный процесс и соответствующее наказание. В прессе регулярно появляются откровенно расистские рассуждения, разжигающие этническую и религиозную рознь. Так, в марте 2017 г. профессор ведущего в стране Бакинского государственного университета Низамеддин Шамсизаде без тени сомнений в интервью публично заявил: “Люди, рожденные от смешанных браков, всегда мыслят ошибочно. А вот человек с чистыми генами и кровью всегда чист для нации” (17). Ему и верящим ему и в голову не придет мысль, что эта риторика о чистой крови и генах как непременное условие для принятия верных решений и нравственно-этической

чистоты в точности повторяет риторику фашистов Германии и Италии 30-40-х годов прошлого века.

Для понимания нынешней ситуации в Азербайджане очень характерно печально знаменитое “дело Рамиля Сафарова”, убитого в 2004 г. армянского офицера Гургена Маргаряна, с которым проходил обучение в рамках мероприятия НАТО в Будапеште (Венгрия). Первоначально и президент Ильхам Алиев, и МИД Азербайджана были осторожны в оценке произошедшего и даже выразили соболезнование семье убитого армянского офицера. Но затем, по мере того, как укреплялась власть Ильхама Алиева и усиливалась антиармянская риторика властей, стало меняться и их отношение к этому факту и к личности Рамиля Сафарова, который становился уже частью антиармянской пропагандистской борьбы. В результате, очень скоро из убийцы он стал превращаться вначале в жертву, чьи родственники погибли в результате карабахского конфликта, а затем и в героя войны со злейшим врагом нации! После чего власти стали предпринимать всевозможные усилия по освобождению и возвращению Р. Сафарова на родину и добились своего: в августе 2012 г. Венгрия передала Р.Сафарова азербайджанским властям. Сразу по возвращении в Баку Р.Сафаров вместо того, чтобы согласно заверениям азербайджанских властей, отбывать наказание, был президентским указом помилован и освобожден! Более того, его повысили в звании: из старшего лейтенанта сразу до майора (в настоящее время – полковник), подарили квартиру и выплатили офицерское жалование за все 8 лет пребывания в заключении. Вслед за этим власти развернули общереспубликанскую кампанию по героизации образа Р. Сафарова.

Безусловно, рост недовольства итогами войны и бесплодности многолетних переговоров не могли не усилить радикализацию азербайджанского общества. И многочисленные соцопросы постоянно демонстрировали тенденцию на рост радикализма в азербайджанском обществе в последние годы. Соцопросы, проводившиеся в 2001-2012 гг. показали, что в Азербайджане стабильно растет число сторонников военного решения конфликта. За этот период это число выросло примерно с 35-40 процентов до 60-65 процентов (18). Растет стабильно и количество тех, кто верит в победу азербайджанской армии в случае возобновления боевых действий. Эти настроения еще более возросли после апрельских боев 2016 г., которые благодаря пропаганде были в Азербайджане восприняты как крупная победа.

Результаты соцопросов также показывают, что подавляющее большинство азербайджанцев и армян – в пределах 90 процентов – считают друг друга врагом своей страны. При этом, если у армян в пределах 50-60 процентов чувствуют к азербайджанцам “ненависть”, “ярость” и “презрение”, то у азербайджанцев эти цифры в пределах 70-80 процентов, то есть негативные чувства сильнее.

Достаточно четкая картина и относительно других друзей и недругов. Как и следовало ожидать, у азербайджанцев на первом месте среди дружественных стран с большим отрывом во всех опросах лидирует Турция (в пределах 70-80 процентов). Далее постоянно следуют США и Грузия. Именно эта тройка стран

собирает львиную долю голосов респондентов, четко показав, кому принадлежат симпатии населения Азербайджана.

Самым враждебным для Азербайджана государством, как и ожидалось, была названа Армения. Далее следуют Россия и Иран (19).

Таким образом, через четверть века после прекращения огня и заключения перемирия в ходе карабахского конфликта позиции сторон не только не сблизились и стали мягче, но наоборот ситуация стала еще более радикальной и жесткой. За это время обе стороны полностью сформировали “порочный круг определения врага”. Каждая сторона помнит четко о своих жертвах, забывая или не желая думать о том, что и сами совершали насилие. Обе стороны оказались в тупике конфликта. И пока нет даже каких-либо намеков на то, что стороны намерены изменить ситуацию и для начала попытаться понять боль и страдание другой стороны.

В этой связи уместно вспомнить известного армянского писателя Гранта Матевосяна, который в одном из своих интервью с грустью заметил: “Пока что мое слово - это только слово армянина, и в него не входят равнозначно слова и помыслы азербайджанцев и турок. Пока что слияния не получается. Может быть, оно еще впереди?” (20) И действительно, осознав боль и страдания каждой стороны, их помыслы и психологию можно попытаться остановить этот “порочный круг определения врага” и найти компромиссное решение.

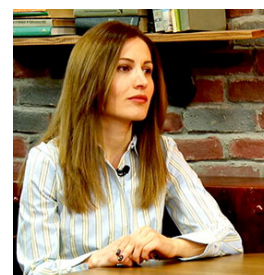
-
1. Эрнест Ренан. Что такое нация? - Собрание сочинений в 12-ти томах. Пер. с франц. под редакцией В.Н. Михайловского. - Киев, 1902, Том 6, с. 102.
  2. Omer Bartov. *Mirrors of Destruction: War, Genocide and Modern Identity*. - Oxford: Oxford University Press, 2000, p. 91.
  3. Майкл Смит. Память об утратах и азербайджанское общество. Пер. с англ. О. Фидиной. – Сборник “*Азербайджан и Россия: общества и государства*”. Под ред. Д.Е.Фурман. – Москва, 2001, с.95.
  4. *Ашура* – траурная религиозная церемония у шиитов, когда происходит поминовение шиитских мучеников.
  5. *Махаррам* (варианты – *Мухаррам*, *Магеррам*) – святой для мусульман месяц, особенно для шиитов, для которых это время траура по мученически убитому в 680 г. имаму Хусейну.
  6. *Шахиды* – в исламе мученики, принявшие смерть за веру.
  7. *Харам* – в исламе запретные действия и деяния, являющиеся наиболее греховными.
  8. Подр. см.: Ариф Юнусов. Ислам в Азербайджане. – Баку, 2004, с. 196.
  9. Сабир Ахундов. Наш геноцид. Историческая политика и школьное образование в Азербайджане. - <https://www.opendemocracy.net/ru/nash-genocid/>
  10. Ильхам Аббасов, Сергей Румянцев. Способы увековечить прошлое: анализ образов других в учебниках истории Азербайджана. – Сборник “*Современные учебники истории на Южном Кавказе*”. Под ред. Любоша Веселего. – Прага: “Ассоциация международных вопросов”, 2009, с.34.
  11. Подр. см.: Ариф Юнусов. Мифы и образы “врага” в исторической науке и учебниках по истории независимого Азербайджана. - http://amudarya.gei.de/fileadmin/_amudarya/bs/ay.pdf

12. Лилит Аракелян, Ника Мусави, Седа Мурадян. Как в Армении и в Азербайджане играют в войну. - <https://jam-news.net/как-в-армении-и-в-азербайджане-играют-в/?lang=ru>
13. В реальности, по данным переписи 2009 г. в Азербайджане, за исключением Нагорного Карабаха было зарегистрировано 183 армян, из них 104 – в столице. В подавляющем случае, это пожилые люди, члены смешанных семей.
14. Сколько армян проживает в Азербайджане? – <http://www.1news.az/society/20151030025627115.html>
15. См.: Шок: армяне создали в Азербайджане сеть. - <http://www.dia.az/print:page,1,9448-eok-azzhrbaycanda-ermzhndlzhr-ezhhzhkhzh-yaradb.html> (на азерб.яз.); Егяна Рзаханова. Азербайджанская певица: “Угнавший мою машину преступник имеет армянские корни”. - <http://vesti.az/news/87629/>; “Мать Ильгара Рагимова была армянкой”. - <http://haqqin.az/news/3983>; “Бабушка Гюляр Ахмедовой армянка...” - <http://olaylar.az/news/ru/15133> и др.
16. В Баку сотрудник дорожной полиции обратился в суд из-за слова “армянин”. - http://ru.oxu.az/society/54016?fb_comment_id=803907369648241_804302356275409#f219d1ed8a802b
17. Низамаддин Шамсизаде. В жилах шаха Исмаила текла христианская кровь. - <http://publika.az/news/maraqlitarix/189900.html> (на азерб.яз.).
18. См.: Ариф Юнусов. Азербайджан в начале XXI века: конфликты и потенциальные угрозы. – Баку, 2007, с. 26-30. Смотри также другие материалы соцопросов: Возможности урегулирования Карабахского конфликта. Результаты социологических исследований и мониторинга средств массовой информации (2001-2003). – Баку, 2004; Армения и Азербайджан на перепутье “ни мира, ни войны”. – Ереван, 2005 г.; Арда Инал-Ипа. Обзор результатов качественного социологического исследования по проблеме конфликта вокруг Карабаха. - https://www.international-alert.org/sites/default/files/Ardalnal-Ipa_ThePriceOfPeace.pdf; Глоссарий языка вражды в СМИ Азербайджана и Армении. - https://ypc.am/upload/GLOSSARY_rus.pdf и др.
19. См.: Ариф Юнусов. Азербайджан в начале XXI века, с. 207.
20. Интервью с Грантом Матевосяном. - Газ. “Литературная газета” (Москва) от 8 июля 1992 г.

Комментарий Арифа Юнусова к статье Сюзанны Барсегян “Восприятие “образа врага” в Армении”

Рецензируемая статья посвящена очень важной и актуальной теме – восприятию “образа врага” в Армении. Автор справедливо указывает, что “образ врага” всегда возникал и использовался с древнейших времен в ходе конфликтов, а также во время кризисов. Это – универсальный политический инструмент, позволяющий объединять в такие времена народ/нацию и в то же время имеющий и негативные последствия. Правда, автор несколько путает следствие с причиной, так как не “образы врага” или негативные национальные стереотипы рождают конфликты, а наоборот - ситуация конфликта и кризиса рождают почву для возникновения, становления и развития “образа врага”.

Далее автор дала достаточно интересную картину того, как в современной Армении и по какой причине возникли главные “образы врага” в лице Турции и Азербайджана и какое отличие имеется в восприятии армянами этих двух основных своих врагов. Если Турция воспринимается армянами с позиции жертвы, то Азербайджан – с позиции победителя. Очень точно указано главное зло от такого “образа врага”, когда враги лишаются “человеческих признаков” и превращаются “в абсолютное зло”. И “враждебными считаются страна, лидер, народ, идеи, политическая система, культура, цивилизационная принадлежность, история, религия и т.д.”.

В то же время автор статьи о “Восприятии “образа врага” в Армении” не заметила, что сама стала писать, как жертва этого “образа врага”. Ведь пропаганда “образа врага” предполагает неизбежное рождение антитезы “мы-они”, “свои-чужие”, “жертвы-палачи” и т.д. И автор, сама того не ведая, стала писать именно с позиций этой антитезы. Для нее, как представителя армянского народа, абсолютно естественно, что соотечественники воспринимают победу над Азербайджаном, как восстановление справедливости : “мы (то есть армяне и автор – А.Ю.) считаем, что установили справедливость”, а вот “наше восприятие Турции – с позиции жертвы” и здесь уже автор, как и все армянское общество “требует восстановления справедливости”. Даже не пытаюсь отделить себя от своего народа и попытаться понять другую сторону конфликта.

Дальше – больше. Автор пишет, что “образ врага в лице Азербайджана и Турции является меньше надуманным или мифологизированным”, ибо связан с “реальной угрозой” Армении и армянскому народу. Тут же возникает закономерный вопрос автору: а разве армяне не являются такой же угрозой для азербайджанского народа? Разве армяне не совершали этническую чистку азербайджанцев и не депортировали их из Армении в 1988-1990 годах? Разве в карабахском конфликте армяне не убивали мирных азербайджанцев? Разве не было Ходжалы, наконец? Но автор явно не задумывается над этим, ибо в соответствии с законами конфликта и созданием “образа врага” важна “своя боль” и “свои страхи”. А вот то, что такие же страхи и опасения могут быть у другой стороны конфликта, не исследуется. И потому для автора вполне закономерно и не вызывает сомнений то, что армянскому “обществу чрезвычайно трудно преодолеть стереотип турка как палача”. Ведь, как выше автор сама верно заметила, “образ врага” требует превратить его в “абсолютное зло”. А свой народ должен быть только в образе жертвы этих палачей.

Опять-таки, в точном соответствии с моделью поведения жертвы созданного конфликтом “образа врага”, автор пытается выдать желаемое за действительность: “В Армении, несмотря на наличие националистического дискурса, нет дискурса ненависти к врагу и крайней агрессивности”. И далее уверяет, что “в Армении в детской литературе или учебниках нет пропаганды ксенофобии, оскорбительных эпитетов в адрес азербайджанца или турка. В СМИ, также, несмотря на наличие националистического дискурса, в систематической форме отсутствуют экстремальные проявления и лексикон”. А ведь уже есть много публикаций армянских авторов на эту тему, в которых приведены конкретные примеры противоречащие тому, в чем автор пытается нас заверить (1). Как говорят сами армянские учащиеся, “если бы я сформировала мнение о турках только на основе школьной информации, я бы думала, что они варвары, животные, монстры”. Не меньше негативных эпитетов и в отношении Азербайджана, который “описан в учебниках как новая, созданная на основе кочевых племен страна” (2).

Проведены даже социальные эксперименты на улицах Баку и Еревана, чтобы определить степень “образа врага”. И в них в точном соответствии с законами конфликта реакция армян такая же, как и у азербайджанцев (3).

И уж совсем неловко становится за автора, когда она наивно пытается убедить, что “в Армении риторика войны у всех (!!! – А.Ю.) политических лидеров и сил не была экстремистской”. Достаточно привести один пример: выступая в 2003 г. на заседании Парламентской ассамблеи Совета Европы тогдашний президент Армении Роберт Кочарян во всеуслышание заявил – “азербайджанцы и армяне – генетически несовместимые народы”. Это заявление было расценено не просто как экстремистское, а расистское и вызвало жесткий ответ у многих европейцев, в том числе сопредседателей Минской группы. А сколько подобных заявлений сделали другие армянские министры, политики и лидеры тех или иных партий и организаций! Вряд ли автор не знает о таких заявлениях. Просто срабатывает психология человека, ставшего жертвой “образа врага” и который потому не видит ничего

предосудительного в заявлениях “своих”, зато может легко найти иголку в стоге сена у “врагов”. Вот если б не Роберт Кочарян сделал это печально известное заявление, а Ильхам Алиев или кто-то из азербайджанских политиков, тогда никаких проблем не было у автора. Тогда она бы заметила экстремизм. А как заметить у “своего”?

И уж совсем наивны и забавны заверения, что в “постреволюционной Армении появились новые акценты в дискурсе мира, новое правительство больше стало говорить о готовности к миру и важности мира”! Слово не было агрессивных заявлений министра обороны Армении и премьера о захвате новых территорий у Азербайджана. А в ходе недавнего визита в Карабах премьер Никол Пашинян не заявил, что это – территория Армении, что было расценено как агрессивные заявления, которые только разжигают милитаризм у противной стороны (4).

Таким образом, рецензируемая статья свидетельствует, как сложно даже экспертам избежать влияния пропаганды и стереотипов.

-
1. См.: Глоссарий языка вражды в СМИ Азербайджана и Армении. - https://ypc.am/upload/GLOSSARY_rus.pdf; Армяно-азербайджанские взаимоотношения в медиа Армении и Азербайджана. - https://ypc.am/upload/ArmAzMonit0809_rus.pdf; Филип Гамагелян и Сергей Румянцев. Армения и Азербайджан: конфликт в Нагорном Карабахе и новая интерпретация нарративов в учебниках истории. – Сборник «*Мифы и конфликты на Южном Кавказе*». Том 1. Под ред. О.Карпенко и Дж. Джавахишвили. - International Alert, 2013, с. 177-183 и др.
  2. Кристина Солоян. Линия фронта начинается в учебниках. - <https://www.opendemocracy.net/ru/linia-fronta-nachinaetsya-uchebnikach-karabakh/>
  3. Армянин в Баку vs Азербайджанец в Ереване. Социальный эксперимент. – <https://www.youtube.com/watch?v=QkA6twUVu48>; Армяне про азербайджанцев и азербайджанцы про армян. - <https://www.youtube.com/watch?v=PAt9HPzSKBA>
  4. См Громкие «военные» заявления от армянского премьера и министра обороны. - <https://jam-news.net/громкие-военные-заявления-от-армян/?lang=ru>; Пашинян поддерживает тезис «новая война – новые территории». - <https://regnum.ru/news/polit/2603820.html>; Пашинян: Арцах — это Армения, и все! Заявление премьера республики ставит под сомнение надежды на урегулирование и внутривнутриполитический консенсус по Карабаху. Чем ответит Баку? - <http://www.rosbalt.ru/world/2019/08/08/1796164.html>

Комментарий Сюзанны Барсегян к статье Арифа Юнусова “Стереотипы и “образ врага“ в Азербайджане“

В своей статье А. Юнусов тщательно проанализировал историю и факторы формирования “образа врага“ в Азербайджане. Автор статьи довольно объективно и содержательно представляет процесс воссоздания истории Азербайджана, важные исторические события и в этом контексте суть пропаганды “образа врага“ своей страны. Он справедливо замечает мифологизированность “образа врага“ в представлениях обществ двух стран. Однако А. Юнусов скорее говорит о полярности этих образов, не упоминая об **основных** особенностях, отличающих процесс формирования “образа врага“ в Азербайджане.

Антиармянская пропаганда и армянофобия представляется как важнейший фактор сплочения и национального единства - подражая “армянскому прототипу“. В то же время армянский пример представлен как основанный исключительно на горе, трауре, чувстве жертвы. Однако эксперт не рассматривает другие существенные факторы - историю, культуру, ценности, этнокультурную идентичность, особенности **национального государства** и т.д. К примеру, в статье **не обсуждаются особенности политического режима и формирования общественного мнения в Азербайджане. Ведь известно, что феномен “образа врага“ наиболее ярко проявляется и управляет сознанием общества в государствах с авторитарно-тоталитарным политическим режимом и пропагандой и является главным инструментом идеологического влияния.**

В этой связи мы видим четкую разницу между Арменией и Азербайджаном. В отличие от представляющейся гомогенной азербайджанской пропаганды, в Армении есть плюрализм мнений. В армянском и азербайджанском обществах асимметричность представления и пропаганды “образа врага“ проявляется в политической риторике, в СМИ, соцсетях, образовательных программах, науке, искусстве и др. Приведенный в статье А. Юнусова пример Рамиля Сафарова противоречит его мнению о том, что в обеих странах ведется схожая пропаганда “образа врага“. В Армении человека, которому приписываются бесчеловечные или жестокие поступки, не героизируют на общественном или государственном уровне. Еще одна отличительная особенность - общественное мнение путей решения карабахского конфликта: если в Азербайджане стабильно растет число сторонников военного решения конфликта (как указывает автор), то в Армении **общество видит решение конфликта путем мирных переговоров (даже после апрельской войны 2016г.) (1).**

А. Юнусов так же проводит параллели между антитурецкой армянской пропагандой и антиармянской пропагандой в Азербайджане. **Как справедливо анализирует автор**, азербайджанская элита самыми разнообразными способами использует Нагорно-Карабахский конфликт как инструмент в целях национального единения и формирования азербайджанской национальной идентичности и пытается воссоздать армянскую модель исторической памяти. Но нам в этом видится несовпадение фактов для корреляции этих процессов. **В статье так же встречаются, мягко говоря, неоднозначные интерпретации геноцида (термин геноцид имеет четкое юридическое определение).** Память о Геноциде армян и образ врага-турка не сформированы специально для имиджа жертвы и национального единства. Это не результат пропаганды, а устная история, социальная память народа, что передается из поколения к поколению, это часть этнической идентичности.

В заключении, хочется выразить надежду на то, что в будущем общества Армении и Азербайджана будут настолько демократичными и открытыми, чтобы можно было откровенно говорить о реальных процессах и дискурсах в своих странах.

---

¹CaucasusBarometer, Public Perceptions on Political, Social, and Economic Issues in the South Caucasus Countries, CRRС-Armenia, 2017 (https://www.crrc.am/wp-content/themes/crrc/barometer_files/presentations-2017.pdf).